

Денежное обращение в Минске в период немецкой оккупации 1918 г.

Юлия ЛАТУШКОВА



Научный сотрудник
отдела генеалогии,
геральдики и
нумизматики
ГНУ «Институт истории
НАН Беларуси»

В начале 1918 г. германские войска начали наступление на центральную и восточную Беларусь. Вскоре был захвачен г. Минск, общий период немецкой оккупации которого продлился более 9 месяцев (21 февраля – 10 декабря 1918 г.). После подписания 3 марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора и до аннулирования его 13 ноября 1918 г. под контролем германской армии находилась большая часть территории Беларуси.

Проблема денежного обращения на оккупированных в 1918 г. Германией белорусских землях изучена слабо. Между тем для работы с источниками и понимания реалий данного периода (штрафы, налоги, заработная плата, цены и др.) исследователю необходимо знание основных валют и их роли в финансовой жизни края.

Статья, подготовленная на материале г. Минска как одного из крупных административных и транспортных центров, продолжает ранее начатый цикл публикаций по истории денежного обращения на территории Беларуси в период военной интервенции [13; 14; 15; 16; 17; 19; 20; 21].

На вновь оккупированных землях немецкие власти в своей деятельности столкнулись со значительными сложностями, вызванными кризисными явлениями в денежном обращении. На момент захвата г. Минска германской армией на руках у населения имелась довольно пестрая денежная масса. Постоянный приток рублевой валюты («царские», «думские», «керенские» рубли) шел из Советской России,

связь с которой не прерывалась и после оккупации. Наблюдался расцвет контрабанды – военнопленные, беженцы, безработные и прочие регулярно пересекали границы России и оккупированных областей, пытаясь хоть как-то заработать на жизнь.

С германскими войсками и властями в город пришли имперские марки и ост-рубли, о которых генерал Э. Людендорф, начальник штаба Восточного фронта (с ноября 1914 г.) и 1-й генерал-квартирмейстер штаба верховного командования, в своих мемуарах писал: «По согласованию с Имперским банком и соответствующими государственными учреждениями в Берлине мы пустили в обращение в границах подчиненной нам территории собственные деньги, которые охотно принимали как средство платежа» [22, с. 92].

Таким образом, в рассматриваемый период находившаяся в городе денежная масса состояла в основном из рублей «царских», «думских», «керенских» и ост-рублей, марок немецких; осенью 1918 г. в прессе упоминаются ост-марки. Сложно сказать, имели ли место случаи употребления австрийских крон и марок польских. Насколько можно судить, иностранная валюта (французские франки, доллары США, фунты стерлингов), в отличие от периода нахождения в г. Минске польской администрации [14; 15; 17; 20], фактически отсутствовала – не было иностранных миссий.

Попробуем разобраться, кто и каким образом регулировал денежное обращение в городе. В условиях нормального функционирования финансовой системы государства важную роль в осуществлении наличного денежного обращения играют банковские учреждения. При изучении источников обнаруживаем, что чрезвычайные события (Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции) не привели к полной ликвидации их деятельности. По воспоминаниям Э. Людендорфа: «К участию в хозяйственном развитии оккупированных земель пригласили мы и немецкие коммерческие банки...» [22, с. 92]. Однако в городской прессе 1918 г. конкретных упоминаний собственно германских (не оккупационных) банков мне не встретилось.

В конце апреля 1917 г. получила статус независимого банка с правом эмиссии бумажных денег и полностью перешла под контроль Главнокомандующего на Востоке Darlehnskasse Ost (Восточная Ссудная Касса, отделение Восточного банка для торговли и промышленности) в г. Ковно [44]. После заключения Брестского мира с началом функционирования в ряде городов на вновь оккупированной территории ее отделов появились восторженные публикации о Восточной Кассе в местной

прессе. Так, 23 июня 1918 г. газета «Беларускі шлях» писала: «Промышленная деятельность и денежное обращение родились к новой жизни после заключения мира на востоке и в частности в областях, занятых немцами, и очевидно идут к радостному для нас развитию, в котором, обычно, заинтересованы все участники. [...] Свое успешное развитие это желание находит в Восточной Ссудной Кассе, которая открыла свои отделения во всех крупных городах областей, возвращенных Германией к спокойной работе, как например: Ревель, Рига, Вильня, Городня, Белосток, а так же тут в Менске (на Соборной площади, 4)». Отдельно отмечалось, что: «Восточная Ссудная Касса – кредитная институция, представляющая собой вместе с тем сберегательную кассу, есть и институция государственная, не имеющая целью наживы и имеющая своей главной задачей – подготовку хозяйственных отношений, главным образом между Германией и Россией, а так же регулирование банковской деятельности. Она выпускает кредитные билеты, принимает депозиты и принимает так же на себя переводы, что для торгового мира имеет особое значение». В конечном итоге читателя заверяли, что «Восточная Ссудная Касса представляет собой шикарное размещение капиталов. Принимаются долгосрочные вклады и закладываются текущие счета, деньги с которых можно в любое время получить по чекам» [42].

Одновременно с началом работы отделений Кассы Ост на вновь оккупированных территориях была развернута сеть немецких меняльных контор («Вексельштубе»). Так, газета «Минский голос» от 3 марта 1918 г. писала: «Из Вильно прибыл на автомобилях штат служащих германской меняльной кассы, которая уже начала свою деятельность на Соборной площади, в доме М. Айзенштадта. Касса осуществляет обмен русских денег на германские и размен их. При этом установлен следующий курс: за русский рубль («кредитка») дают одну германскую марку или 50 копеек т. н. оккупационными деньгами. В обмен принимаются также и «керенки» в любом количестве» [32]. Следует отметить, что в апреле размен «царских» и «керенских» рублей на немецкие марки осуществлялся уже по новому курсу: за 1 царский рубль – $1\frac{1}{4}$ немецкой марки [39].

Массовый выезд из города зажиточных людей, начавшийся в связи с установленными оккупационными властями новыми порядками, в том числе банкиров и деятелей кредитных контор, не привел к полной ликвидации сети местных кредитных учреждений [23]. Продолжили работать городское кредитное товарищество [38], Варшавское экономическое товарищество [6].

7 марта возобновила свою деятельность Минская Казенная Палата [43]; 19 марта – Казначейство [11], хотя обе структуры сильно пострадали от сокращения служащих, проведенного немецкими властями [9], и крайне неаккуратной выплаты значительно уменьшенной заработной платы [34]. Вскоре германской оккупационной администрацией было издано распоряжение, по которому все денежные суммы, полученные Казначейством и Казенной Палатой, передавались в оккупационный банк [7]. Следующим приказом упразднились налоговые кассы при

земских управах, а налоги должны были вноситься непосредственно в Казначейство [25].

Новым этапом реорганизации кредитной сети края стало объявление от 26 октября 1918 г. за подписью Главного Квартирмейстера полковника Фон Берневица, согласно которому:

«1. Публичные сберегательные кассы будут открыты Управлением Области 10-й армии с 1-го ноября, как Областная Сберегательная касса.

2. Минское казначейство является центральной кассой, а прочие казначейства – ее отделениями.

3. Для обеспечения вкладов Главная Областная Касса отвечает всем русским Государственным имуществом, которое находится в области 10-й армии.

4. Государственная касса принимает по поручению все банковые операции.

5. В случае очищения частей области, занятой немецкой оккупацией, не полученные денежные вклады будут в распоряжении вкладчиков в одном из немецких банков» [29].

Постепенно в городе складывается некая структура, осуществляющая и регулирующая наличное денежное обращение. Состояла она, вероятно, из отделений немецких имперских банков (информации о которых пока мало), отделения Кассы Ост, германских меняльных контор, местных кредитных и фискальных учреждений. Именно им с активным участием высокопоставленных представителей немецкой оккупационной администрации пришлось разбираться с царящим в финансовой сфере хаосом.

О положении в финансовой жизни г. Минска газета «Вольная Беларусь» в марте 1918 г. писала: «Так, настоящей болячкой обывателей-минчан является «курс рубля». Дело такое: сначала, как только появились немецкие оккупационные деньги, шли они по своему обычному курсу (это значит, по цене, которую и показывает цифра данной бумажки); через пару дней эти ж самые бумажки начали идти вдвое выше, чем российские (за 1 руб. российский давали 50 коп. оккупационных). Через дней пару снова «курс опал» и «оккупационный» рубль равнялся российскому рублю. Так «курс» «падал» и поднимался уже несколько раз. Как теперь «стоит курс» и сказать трудно: едва ли не каждая лавка имеет свою собственную «расценку», свои на это взгляды и свой «курс». В некоторых рубль «керенский» считается меньшим чем «царский» рубль, другие оккупационные деньги считают вдвое дороже и т. д. Путаются счета с «керенками», «никалаевскими», марками, оккупационными. Взбаламутили минские торговцы «курс рубля» и в этой мути ловят в свой карман и не мелкую рыбу...» [47].

Изменения курса хорошо прослеживаются и по публикации «Беларускага шляху»: в начале марта за 1 рубль («царский») давали 1 марку 35 пфеннигов [36]; в середине апреля – 1 марку 25 пфеннигов [39]; в июле марка и рубль расценивались в паритете [12].

Неустойчивые курсы валют беспокоили и били по карманам не только рядовых горожан, но и прежде всего представителей администрации и финансовых учреждений. Уже 14 марта Минский Городской Голова за грифом «важно и срочно» вынужден просить немецкие власти принять делегацию представителей города, бирж и банков с докладной запиской по вопросу о курсе рубля [26, л. 36].

В апреле – мае оживленная (несколько в истеричных тонах) переписка касательно того же вопроса завязалась между Городской Управой, Казенной Палатой и Губернским Казначейством.

Начало ей положил запрос Управы в Казначейство от 16 апреля 1918 г. с просьбой срочно сообщить, «по какому курсу принимаются в Казначейство оккупационные рубли и германские марки и на основании какого распоряжения или циркуляра. Данные сведения необходимы Городской Управе на предмет внесения в Казначейство сумм, временно поступивших в кассу Городской Управы от различных лиц и учреждений в результате бывшей временной приостановки функций Казначейства» [27, л. 7].

Согласно ответу, Казначейством на основании распоряжения Казенной Палаты оккупационные рубли принимались в платежи за 1 руб. 60 коп., германская марка – за 80 коп. [27, л. 8]. Полученная информация явно вызвала некоторую растерянность у городской администрации, заметную по содержанию последовавшего затем письма: «[...] Городская Управа просит Казенную Палату довести ей в самый краткий срок, на основании какого приказа или циркуляра установлены курсы к приему платежа в Казначейство оккупационного рубля в 1 р. 60 коп. и германской марки в 80 коп., согласно сообщения Казначейства от 17 апреля 1918 г. за № 1482. Данные сведения необходимы Городской Управе по причине того, что до этого времени прием и выдача Кассой Управы денег проводилась по курсу: оккупационный рубль за 2 рубля и германская марка за 1 рубль» [27, л. 9].

В середине мая Управа направляет запрос уже в Казенную Палату: «По причине обычных расчетов Управы с Казначейством, а также приема всякого рода платежей, не принадлежащих городу, Городская Управа просит Казенную Палату прислать, в самый краткий срок, копию постановления Казенной Палаты о курсе бумажных денег, по которому принимаются и выдаются в платежи Минским Казначейством: «германские марки», «оккупационные рубли», «русские рубли», «царские», «думские» и «керенки» [27, л. 20].

Конечным результатом активной переписки между учреждениями стал циркуляр Минской Городской Управы от 20 июля 1918 г., согласно которому предписывалось: «...всякого рода расчеты, сметы и т. п. составлять в будущем в марках, считая одну марку равной одному рублю» [27, л. 22].

Из имевшихся на руках у населения и участвовавших в денежном обращении г. Минска валют стабильно высоко котировались и чаще всего упоминались прессой «царские» рубли. Как правило, именно они в первую очередь оседали в кладовых комплексах [18]. «Царские» рубли являлись основной платежной единицей в городе в период с февраля до июля 1918 г. и зачастую указывались «по умолчанию». Так, пресса приводит в рублях (без указания конкретной валюты) цены на городских рынках. Например, «Беларускі шлях» пишет: «Мука ржаная – 70 рублей пуд. Сахар – 5–6 рублей фунт. Керосин – 5 рублей фунт. Хлеб – 1 рубль 70 копеек фунт. Масло сливочное – 20 рублей фунт. Масло растительное – 4 рубля фунт. Колбаса – 3 рубля 50 копеек фунт» [45]. Предполагается, что все заин-

тересованные лица и так понимают, какие именно рубли указаны в опубликованном материале. Также приводится и уровень заработной платы: например, стрелочник на железной дороге получал 60 руб., дорожный мастер – 113–125 руб. [10].

В мае 1918 г. в прессе появляются сведения о прекращении обмена русских денег с 15 июня в связи с падением курса «царского» рубля, огромной эмиссией [48] и колоссальным притоком денежной массы из Советской России (передачи оставшимся родственникам от эвакуировавшихся близких; суммы, прибывающие с беженцами; «ликвидационные» деньги; доходы от спекуляции и т. д.). Продолжая тему, 5 июня 1918 г. «Беларускі шлях» пишет о большом числе желающих обменять «царские» рубли на немецкие марки и о прекращении размена рублей «керенских». Тут же приводится курс обмена в «Вексельштубе»: за 1 рубль «царскими» – 1 рубль 25 копеек немецкими (оккупационными) деньгами. В местных банкирских конторах, по информации газеты, курс отличался незначительно: за 1 рубль «царскими» – 1 рубль 24 копейки немецкими [2].

Уже 6 июня, на 9 дней ранее определенного срока, появляется сообщение о внезапном прекращении обмена российских денег – «керенок», «думских» и «царских» – обменными кассами. Вся деятельность данных учреждений в это время сводилась к размену крупных оккупационных купюр на мелкие [35].

Вместе с тем местные банкирские конторы успешно продолжают обмен российских денежных знаков на ост-рубли, но по сниженному курсу: за 1 рубль «царский» – 1,05 оккупационного [5]. Потом курс снова немного поднимается: за 100 «царских» – 110 оккупационных рублей [8].

Параллельно с прекращением обмена российских денег немецкие власти издают приказ от 10 июня 1918 г., по которому запрещался прием «царских» рублей по всей линии Либаво-Роменской железной дороги [1], а заработная плата некоторым категориям ее служащих должна была начисляться только в оккупационных деньгах и из немецкой казны [40; 41].

Надо отметить, что местное население относилось к оккупационным деньгам настороженно, если не сказать враждебно. Так, газета «Бобруйский день» сообщала: «Германский полицмейстер г. Минска в своем приказе объявил, что в комендагуру поступают жалобы на то, что торговцы совсем не принимают оккупационных денег, или принимают их по низкому курсу. Полицейстер требует от полиции и милиции сообщать о всех подобных случаях в полицейское управление для привлечения виновных к ответственности и закрытия их торговых учреждений» [28].

С 15 июня по приказу немецких оккупационных властей в г. Минске все товары должны были продаваться только за имперские немецкие марки либо оккупационные деньги по курсу 2 марки за 1 ост-рубль. Все соглашения в российских рублях считались утратившими силу. Право принимать вклады немецкими имперскими марками и выплачивать их также марками давалось только германским банкам и получившим на это разрешение штаба армии местным банкам и кредитным учреждениям [8]. Эта же информация доводилась до сведения местного

населения Распоряжением относительно денежных знаков в районе 10-й армии, где, кроме прочего, ука- зывался штраф до 20 000 марок, либо тюремное за- ключение сроком до одного года за сделки в других денежных единицах, или отказ от приема ост-рублей в платежи [33].

23 июня «Беларускі шлях» сообщает о возобно- влении обмена в германской обменной конторе «цар- ских» денег на оккупационные (за 1 рубль – 1 марка 10 пфеннигов), а также «думских» денег купюрами в 1000 рублей и 250 рублей по курсу 1 рубль за 1 марку [24].

28 июня немецкими властями была проведена проверка в Минском губернском казначействе. Быв- шие в наличие деньги в сумме 350 000 рублей в «царских» и «керенских» купюрах поступили в рас- поряжение немецких властей под чековую книжку на имя Казначейства. На текущие операции были оставлены оккупационные деньги [37].

По Распоряжению командующего 10-й армией генерала Э. Фалькегейма от 3 июля 1918 г. № 1029/18 «Порядок платы налогов, податей и сбо- ров для ограждения касс страны от курсовых по- терь» все публичные налоги должны были быть раз- лагаемы в курсоспособных деньгах и в этих деньгах взимаемы. До 10 июля 1918 г. платежным рублем являлся рубль «царский». После 10 июля 1918 г. налоги должны были исчисляться и взиматься в ост-рубле. «Царский», «думский» рубли и немецкая марка по вышеуказанному Распоряжению котиро- вались паритетно; «керенский» расценивался в 80 копеек за рубль. Ост-рубль равнялся двум немецким маркам. К документу прилагались специальные та- блицы для пересчета валют. Кроме прочего, указы- валось на необходимость исчисления сумм при при- еме на депозит в марках. За платежные обязательства (руководства страны, земств и земских управ) до 15 сентября расчет должен происходить «царскими» деньгами, после 15 сентября – оккупационными рублями [26, л. 7; 8].

5 июля 1918 г. в «Вексельштубе» происходит но- вое падение курса «царского» рубля: за 1 «царский» рубль дают 1 марку [12].

9 июля 1918 г. немецким градоначальником было передано магистрату г. Минска постановление Глав- нокомандующего 10-й армией относительно оплаты налогов и сборов. Среди прочего указывалось, что бюджет города должен быть составлен в оккупацион- ных рублях. Допущенная до того времени гарантия русскими ценными бумагами упраздняялась. Для пе- ресчета необходимо было первоначально определить сумму в копейках – по сортам рублей – согласно их стоимости в пфеннигах – и потом определить сумму налога. До 14 сентября 1918 г. основной платежной единицей считались $\frac{3}{4}$ оккупационного рубля – 150 пфеннигов, а с 15 сентября 1 оккупационный рубль считался равным 200 пфеннигам. Таблицы пересчета налогов должны были быть подписаны магистратом и проштемпелеваны [26, л. 9].

При отступлении немецких войск в прессе по- мещаются статьи, призванные успокоить местное население: «По причине отхода германских войск и последующего прекращения германского руковод- ства, все больше выявляется боязнь населения, что денежные знаки «Ост» утратят свою ценность. Эта

боязнь не имеет никаких причин. Германское госу- дарство гарантирует обмен всех денежных знаков кредитной кассы «Ост» (Дарленкассе) по курсу: 1 ост-рубль равен 2 германским маркам, и выпол- нит это независимо от обстоятельств. Если тут и там преимущество дается русским денежным зна- кам, то эти, по многочисленным сведениям, по при- чине полного государственного банкротства России, вряд ли являют из себя платежное средство. Эко- номическое положение Германии в это время непо- колебимо и денежные знаки «Ост», таким образом, полностью обеспечены» [31].

Вопреки бодрому тону официальных заявлений во второй половине ноября 1918 г. на страницах газеты «Минский голос» появляется материал, согласно которому «Губернским земством поднят вопрос о переходе в нашем крае на русскую валю- ту. Земская управа обращается к оккупационным властям с указанием на необходимость отмены при- нудительного курса ост-рубля по следующим сооб- ражениям: 1) фактически этот курс населением не признается; 2) крестьяне, в руках которых имеется продовольствие, совсем не принимают ост-рублей, а это ставит городское население, в частности, слу- жащих различных учреждений, которые получают заработную плату в «остах», в сложное положение, поэтому необходимым полагается равенство ост-руб- ля и марки» [30].

Уже 28 ноября 1918 г. Управляющий Минской Казенной Палатой сообщает в Казначейство Минской губернии об отмене Распоряжения от 3 июля 1918 г. согласно Постановлению Главнокомандующего 10-й немецкой армией от 31 ноября 1918 г. за № 1726. По новым правилам после 30 ноября 1918 г. все налоги, подати и сборы, начисленные как до 10 июля 1918 г. в русских рублях, так и после 10 июля в ост-рублях, в смысле налогового рубля должны быть равны. В уплату налогов, как и ранее, ост-рубли должны при- ниматься по расчету, согласно соотношению курса ост-рубля и «царского» рубля. Указывалось, что как платежное средство 1 русский рубль равен 1 ост-руб- лю. Поэтому в дальнейшем, до существенных изме- нений курса, надлежит в уплату налогов принимать русский рубль за равное количество налоговых ру- блей. Кроме прочего, отмечалось, что распоряжение от 1 июня 1918 г. относительно обязательного приема в платежи кредитных билетов Ссудной кассы Ост по твердой цене 2 германских марки за 1 рубль не изме- няется [27, л. 41].

На фоне развернувшегося на оккупированных территориях в 1918 г. соперничества за роль основ- ной денежной единицы между «царским» и ост-руб- лем несколько теряется положение «думских» и «керенских» денежных знаков. Между тем именно с поднятием курса «керенок» на 25% связывает прес- са резкое повышение цен на хлеб (в пятницу прода- вали по 1,40 за фунт, в воскресенье цены поднялись до 2,70, а вчера дошли до 2,80–3,00 за фунт) в воль- ной торговле в ноябре [46].

Со значительными убытками (около 3000 руб., не считая вычтенных за размен с каждого 10 коп.) связывают выплату 34 000 руб. заработной платы 280 служащим службы движения Либаво-Роменской железной дороги в марках вместо «керенских» и «думских» рублей [4].

Таким образом, на примере г. Минска можно утверждать, что в период немецкой оккупации 1918 г. основными денежными единицами были рубль «царский» и ост-рубль. В них устанавливались налоги, заработная плата и выплаты.

Германские имперские марки в прессе фигурируют в основном при указании сумм штрафов [например, 33] и субсидий от немецких властей [например, 3]. Есть свидетельства выплаты в них заработной платы [например, 4], кроме того, право на исчисление сумм вкладов в немецких импер-

ских марках давалось некоторым кредитным учреждениям [8]. Рубли «думский» и «керенский» первоначально население, а позже и кредитные учреждения расценивали ниже «царских». Между тем при расчетах горожане и крестьяне предпочитали российский денежный знак имперским маркам и «остам».

Упорядочить курс валют: удержать принудительный курс «остов», паритет «царского» и «думского» рубля и имперской марки оккупационные власти так и не смогли.

Источники:

1. Аб забароне прыёму царскіх грошай // Беларускі шлях. – 1918. – 8 чэрв. – С. 2.
2. Абмен царскіх грошай // Беларускі шлях. – 1918. – 5 чэрв. – С. 2.
3. Аванс // Беларускі шлях. – 1918. – 5 чэрв. – С. 2.
4. Ад прыбытку залава нібаліць // Беларускі шлях. – 1918. – 4 верас. – С. 2.
5. Апэрацыі абмену царскіх грошай // Беларускі шлях. – 1918. – 7 чэрв. – С. 2.
6. Варшаўскае эканамічнае таварыства // Беларускі шлях. – 1918. – 23 крас. – С. 2.
7. Грашовыя сумы // Беларускі шлях. – 1918. – 25 крас. – С. 2.
8. Да курсу царскага рубля // Беларускі шлях. – 1918. – 15 чэрв. – С. 2.
9. З 1 красавіка бяз службы // Беларускі шлях. – 1918. – 31 сак. – С. 2.
10. З быту жалезнадарожнікаў // Беларускі шлях. – 1918. – 25 сак. – С. 2.
11. Казначэйство // Беларускі шлях. – 1918. – 27 сак. – С. 2.
12. Курс царскага рубля // Беларускі шлях. – 1918. – 5 ліп. – С. 2.
13. Латушкова, Ю.П. К вопросу о котировке валют в Минске в период немецкой оккупации (21 февраля – 10 декабря 1918 г.) / Ю.П. Латушкова // Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей. – Вип. 33. – Переяслав-Хмельницький, 2013. – С. 181–187.
14. Латушкова, Ю.П. Некоторые факторы экономической жизни Минска в конце августа – начале сентября 1919 г. (по материалам газет «Звон» и «Минский курьер») / Ю.П. Латушкова // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і пайсідзённасць (да 945-годдзя Мінска: зб. навук. арт. / Уклад. А.І. Груша; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск, 2012. – С. 397–413.
15. Латушкова, Ю.П. Бумага и соль. Деньги польской оккупации в Минске / Ю.П. Латушкова // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 510-годдзя атрымання Менскам магдэбургскага права): матэрыялы Міжнароднай навук.-практ. канф., Мінск, 4–5 верасня 2009 г. / Рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск, 2010. – С. 139–145.
16. Латушкова, Ю.П. Взаимодействие местной и военной администрации г. Минска по имущественным и финансовым вопросам в период немецкой оккупации 1918 г. / Ю.П. Латушкова // Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. – Мінск, 2014. – Вып. 12. – С. 279–288.
17. Латушкова, Ю.П. Денежное обращение и котировки валют в Минске (август 1919 г. – июль 1920 г.): по материалам городской прессы / Ю.П. Латушкова // Гіст.-археалаг. зб. – 2014. – Вып. 29. – С. 170–179.
18. Латушкова, Ю.П. Комплексы бон – депозиты периода Гражданской войны и интервенции / Ю.П. Латушкова // Банкаўскі веснік. – 2010. – № 7 (480). – С. 49–52.
19. Латушкова, Ю.П. Нереализованный проект выпуска минских городских бон в 1918 г. / Ю.П. Латушкова // Банкаўскі веснік. – 2014. – № 3 (608). – С. 52–55.
20. Латушкова, Ю.П. Финансовая жизнь Минска (08.08.1919–11.07.1920) / Ю.П. Латушкова // Банкаўскі веснік. – 2012. – № 1 (546). – С. 53–57.
21. Латушкова, Ю.П. Экономическая политика немецких оккупационных властей на территории Западной Беларуси / Ю.П. Латушкова // Падзеі Першай сусветнай вайны ў лесе Заходняй Беларусі (да 100-годдзя з пачатку Першай сусветнай вайны): матэрыялы научн.-практ. канф., Пружаны, Брестская обл., 25–26 апреля 2014 г. / Музей-усадыба «Пружанскі палацк» – Пружаны, 2014. – С. 61–67.
22. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Э. Людендорф. – М., Центрполиграф, 2007. – 440 с.
23. Менск пусьце // Беларускі шлях. – 1918. – 8 крас. – С. 2.
24. На мейсцовым грашовым рынку // Беларускі шлях. – 1918. – 23 чэрв. – С. 2.
25. Налоговыя кассы // Беларускі шлях. – 1918. – 25 крас. – С. 2.
26. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 7061.
27. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 7100.
28. О приеме оккупационных денег // Бобруйский день. – 1918. – 2 чэрв. – С. 2.
29. Объявление // Белорусские ведомости. – 1918. – 12 нояб. – С. 1.
30. Ост-рубли // Минский голос. – 1918. – 22 нояб. – С. 2.
31. Официальное сообщение // Минский голос. – 1918. – 28 нояб. – С. 1.
32. Размен денег // Минский голос. – 1918. – 3 сак. – С. 2.
33. Распаражэнне // Беларускі шлях. – 1918. – 5 ліп. – С. 1.
34. Скарбовай Палаты // Беларускі шлях. – 1918. – 10 крас. – С. 2.
35. У «Вэксэлыштубэ» // Беларускі шлях. – 1918. – 5 чэрв. – С. 2.

36. У апошні час // Беларускі шлях. – 1918. – 8 сак. – С. 2.
37. У губернскім казначэстві // Беларускі шлях. – 1918. – 2 ліп. – С. 2.
38. У месцовым крэдытным Т-ве // Беларускі шлях. – 1918. – 15 мая. – С. 2.
39. У нямецкай разменнай касе // Беларускі шлях. – 1918. – 16 крас. – С. 2.
40. У упраўленскай канторы // Беларускі шлях. – 1918. – 16 чэрв. – С. 2.
41. Уплата пэнсіі // Беларускі шлях. – 1918. – 9 чэрв. – С. 2.
42. Усходняя ссудная каса // Беларускі шлях. – 1918. – 23 чэрв. – С. 2.
43. Учора ўзнавілася дзеяльнасць Мінскай Скарбовай (Казённай) Палаты // Беларускі шлях. – 1918. – 8 сак. – С. 4.
44. Филипов, К. История денег – почтовых марок Первой мировой войны // К. Филипов // Банкаўскі веснік. – 2008. – № 7 (408). – С. 80–83.
45. Цэны на харчы // Беларускі шлях. – 1918. – 30 сак. – С. 2.
46. Цены на хлеб // Белорусские ведомости. – 1918. – 12 нояб.
47. Што робіцца ў Мінску? // Вольная Беларусь. – 1918. – 17 сак. – С. 2.
48. Як мы даведаліся // Беларускі шлях. – 1918. – 11 мая. – С. 2.